

В. К И Р И Л Л О В

**ВЕЧЕРНИЕ
РИТМЫ**

// Ф Е Д Е Р А Ц И Я //

В.И. Курочкин

ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ

ВЕЧЕРНИЕ РИТМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЕДЕРАЦИЯ»
МОСКВА

**«Мосполиграф» 16-я типогр.
Т р е х п р у д н ы й п е р . , 9.
Москва. Главлит А 10325.
Фосп № 102.Тираж 3000 экз.**

* * *

Дни славы, дни побед,
Вы отошли, но не пропали,
Свет радостный и страшный свет
Величьем озаряет дали.

Был праздник бурь, был праздник гроз,
Все клокотало, пело, билось,
И этот праздник в сердце врос,
И сердце бури не забыло.

Пустынны жизни берега,
Когда река молчит и стынет,
Бушует белая пурга
Над осиянною святыней.

Но и во мгле холодных лет
Живое прорастает семя:
Младое крепнущее племя
Готовит пламенный расцвет.

И день придет могуч и яр
В раскатах музыки и грома,
И чувств расплавленных пожар
Прольется радостью знакомой.

И вновь пройдут, чеканя шаг,
Восторженные батальоны,
И будет яростно песен взмах,
И вспыхнут заревом знамена.

И прогремит победы гул,
И радостно вздохнут могилы,—
Что день надежд не обманул,
Что дело жизни победило.

1927 г.

ГОДЫ МИНУВШИЕ

Годы горя, голода и славы,
Можно ль вас не помнить, позабыть?
И теперь все снится сон кровавый,
Бедные несчетные гробы.

Смерть и гибель, горы темных трупов,
Ярый свист карающей косы,
У зловонных лошадиных крупов
Одичалые рычали псы.

Паровозов ржавые кладбища
Хоронили пламенный разбег,
Вот когда узнал ты цену пищи,
Не сбиравший зерен человек!

Только пела юная отвага,
Отдавая жизнь свою, как дар,
И за жарким кумачевым флагом
Польхал слепительный пожар.

Выли пушки, тонко пели пули,
Города тонули в полумгле,
На панелях изнемогших улиц
Продавались девушки за хлеб.

Но чредою проходили весны,
Ничего не помня о былом,
Город пыльный, луг зелено-росный
Заливая светом и теплом.

И дрожал и таял призрак лютый,
Уступая жизни молодой,
И глаза весенние малюток
Улыбались песне голубой.

Е М У

С глазами неба голубей,
С душою нараспашку,
Он просто вышел в бурю дней,
Как в поле на запашку.

Он шел, взвевая красный флаг,
С ружьем, в лохмотьях диких,
Кричали сытые: дурак!
Голодные: великий!

Пронзали пули, ели вши
Изглоданное тело,
А он шагал, чтоб завершить
Веков прямое дело.

Он шел для мира, шел за мир
Сквозь душный дым пожарищ,
И слышал Лондон и Каир
Призывный клич: товарищ!

Он бантик жаркий кумача
Берег, как дар невестин,
И взор упорный Ильича
Он нес с винтовкой вместе.

И в смертном пламенном бреду,—
От тифа ли, от ран ли,—
Он видел, как года ведут
На праздник, день желанный.

Пусть свора черная визжит,
Он чист в любви и злости,
Земля родная сторожит
Простреленные кости.

Мы никому не отдадим
Его святого дела
И в даль грядущего глядим
Уверенно и смело.

Октябрь 1927 г.

* * *

Уж немножко волос серебрится,
Но светлы попрежнему дороги,
Ах, когда, когда ж ты станешь строгим,
Ведь давно б пора угомониться.

Ведь пора бы оглянуться трезво,
Стать расчетливым и деловитым,
А ты все такой же мальчик резвый,
Песнями и зорями повитый.

Нипочем ни беды, ни угрозы,
Думы ясны и мечтанья чисты,
Каждый день, как лепесток у розы,
Открываешь, свежий и душистый.

Каждый день, за жизнью в погоне,
Видишь мир попрежнему пригожий,
Даже черный, жадный крик вороний
Душу нежной радостью тревожит.

Сам дивишься: отчего, откуда
Эти песни, это солнце льется..
Тяжко, трудно—говорит рассудок,
А душа играет и смеется.
А душа,—ей ничего не надо,—
Только б видеть, только б слушать песни...
И цветет, цветет весенним садом
Этот мир все ярче и чудесней.

ВЕЧЕР

Был воздух душен и тягуч,
И, набухая, млела мгла,
Свисали груды душных туч
На трубы, крыши, купола.

Был гулкий город сам не свой,
Он был в чаду, он был в цвету,
Собор опарой золотой
Вздымался тучно в высоту.

Был одуряющ запах лип,
И ветер, пьяный от цветов,
Дыша полями, страстно лип,
Совсем с ума сойти готов.

И, задыхаясь и рыча,
Автомобили мчались вдаль,
Трамваев ныли провода,
Спешили пары в сумрак чащ.

И плоть томилаь, пела, жгла,
И губы женские в крови,
Как бы готовы сжечь до тла,
Взывали только о любви.

И билась страстная река
В об'ятях жарких берегов,
Свисали душно облака
Над темной грудю домов.

НОКТЮРН

День отсиял, как праздник голубой,
Вот ночь идет, и мрак приблизил дали,
Литавры брошены и трубы отзвучали,
Лишь занавес зари мерцает золотой.

Душистая, густая мгла
На землю пролилась и принесла
Созвездий тихое сиянье,
Ручьев прохладное журчанье.

И пронеслось над таинством земли
Горячее дыхание любви,
Сплетенных рук безумство, исступленье,
Трав влажных страстное струенье.

И флейты тонкие запели в тишине
О голубой неведомой стране,
О счастья призрачном, о том, что только снится,
О том, чему здесь никогда не сбыться.

МАЛЮТКЕ

Ты уснула, радостная крошка,
Ты уснула на моих руках.
Синий снег сверкает за окошком,
Светлый месяц ходит в небесах.

Тихо льется теплое дыханье,
Не дыханье—дуновенье роз,
Голубое лунное сиянье
Запуталось в золоте волос.

Спи, малютка. В безднах бесконечных
Мы плывем на древнем корабле,
И над нами голубеет вечность
Там—в далекой, звездной полумгле.

Там теперь ни ангелов, ни рая,—
Отцвели легенды под луной...
Спи, малютка, милая, земная,
Тихо светят звезды над тобой.

Жизнь не песня... Лили кровь людскую
Эти руки грубые мои...
Спи, малютка. Дай, я поцелую
Крохотные ноженьки твои.

По цветам им бегать иль по тернам?
Радость ли, страданье впереди?
Только я тебе останусь верным,
Спи спокойно у моей груди.

Может быть, все горести и грозы,
Все безумье темное земли—
Для того, чтоб пламенные розы
На полях грядущих расцвели?..

Спи спокойно, радостная крошка,
Спи спокойно на моих руках.
Синий снег сверкает за окошком,
Светлый месяц ходит в небесах.

ВЕЧЕРНЕЕ

Голубой снежок,
Сумрак голубой,
Золотой, сквозной
Свет зари далек.

Золотые флейты
Там играют... Пусть!
О, душа, излей ты
Всю печаль и грусть.

Розовая младость
Там, в огне...
Не вернуть—не надо,
Ах, не надо мне.

Тонкий хруст мороза
В голубой тиши,
Звезды, словно слезы
Горестной души.

РАЗГОВОР С РОЗАМИ

Древней клятвою, давним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

Розы, розы, избранницы росные
Заревого совета цветов,
Пусть проходят глухие и косные
Мимо песенно-алых шатров.

Вот и я... ни одежды, ни золота
От моих иступленных строк,
Только сердце в крови, но молодо,
И лицо всегда на восток.

Говорят, не нужны, не полезны мы,—
Розы праздны, бесцельны мечты...
„Все цветы заменить железными!
И совсем запретить мечты“.

Розы, розы, любимые, древние,
Да минует нас чаша сия.
Будут песни еще напевнее,
Будут розы бессмертно сиять.

Ведь недаром в блаженстве и горестях,
Когда мало слез и слов,
Расцветают звездные повести
И поют лепестки цветов...

Древней клятвою, давним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

А разве эта голова
Тебе не роза золотая?

С. Есенин

* * *

Не разрывай единый круг,
Все в мире благостно и ценно:
И бороздящий землю плуг,
И в небе облак белопенный.

Пускай гремит железный век
И множит гул машинной новью,
Но ты все тот же, человек,
С такою древней, древней кровью.

Ты любишь тот же звук и цвет,
И блеск звезды, и всплеск прибрежный,
И те же радости поэт
Поныне славит песней нежной.

И над капризною мечтой
Не властны разума уловки,—
Все так же розой золотой
Ей мнится милая головка.

О, если б песни и цветы
Вдруг отцвели в железном громе,—
Глазам людей, как в мертвом доме,
Предстал бы ужас пустоты.

Не разрывай единый круг,
Все в мире благостно и ценно:
И бороздящий землю плуг,
И в небе облак белопенный.

ВЕСНА—ВЕЧЕР—КРЕМЛЬ

Словно алые свечи засвечены—
За рекой полыхает стекло,
Голубого весеннего вечера
Золотое струится тепло.

Оттого ли, что сумерки дышат
Первой зеленью лип, тополей,
Стали смутные башни выше
И загадочней и древней.

И соборов легчайшие линии
Древний гимн вознесли красоте,
Уходя к безначально-синей
Неизменной вовек высоте...

Это было давно, это было ведь...
Вот в такой же теплынный туман
Приказал всех крамольников выловить
Обезумевший царь Иван.

Даль клубилась лиловыми тучами,
Скорбно плыл колокольный плач,
А в застенках руки выкручивал
Обреченным жертвам палач.

Вот церковное чудится пение...
Жаркий день. Малиновый звон,
Сизый дым, золотое цветение
И Марины сияющий трон...

А когда над цветной черепицей
Синим вечером плыла весна,
Коронованной русской царицей
В терему улыбалась она.

И в такой же вот радостный вечер
Темным морем гудел народ,
Царь Димитрий, поруган, иссечен,
У кремлевских лежал ворот.

Скоморошья позорная маска —
Вместо почестей, славы, венца...
А весна вот с такой же лаской
Целовала лицо мертвеца.

ЗВЕЗДНЫЙ РЕЙС

Как жизнь, как самое красивое,
Что люди ставят напоказ,
Серебролиственными ивами
Сияют звезды в сумрак глаз.

И я гляжу светло, встревоженный,
Любовно преданный земле:
Дома, кварталы — все уложено,
Как груз на дальнем корабле.

И мы плывем глухими сферами,
Плывем века, плывем давно,
Горим легендами и верами,
Где ложь и истина — одно.

И только звезды льются звонами...
Как сладко ни о чем не знать —
Игрой, случайностью ль, законами
Дано нам мыслить и дышать.

Есть радость крепкая и зримая
И легковейная, как сон...
Плыви, плыви, земля любимая,
Под звездно-синий перезвон.

* * *

Все прошло: тревога и заботы,
Обольщение славой и мечты,
И себя я спрашиваю: кто ты?
Странник ночи? Жертва слепоты?

Ты играл бездумно и беспечно
Жизнию неверной и не той,
Что идет медлительно и вечно,
Грузною походкой трудовой.

Слух и чувство доверяя звуку,
Тихим зорям, таинству весны,
Не любил ты трудную науку
И на все глядел со стороны.

Что задумал, все сбывалось в сроки,
Пело счастье в шопоте ночей,
Видел мир раздольный и широкий,
Синее сияние морей.

Верил ты, что так и будет длиться, —
Праздник чувства, розы, соловьи,
Расцветать черемухой страницы,
И звенеть напевные ручьи.

Но с мечтою не сдружилось тело,
Вот шепнули: молодость прошла...
Песня стыла, сердце холодело,
Сад весенний заливала мгла.

И, взглянув на дальнюю дорогу,
На минувший бесшабашный путь,
Сердце сжалось болью и тревогой,
Что былого больше не вернуть.

Что за все восторги и утраты,
За мечты, безумие и лень —
Встал на страже и грозит расплатой
Черный день, неумолимый день.

ПРАЗДНИК ОСЕНИ

О, праздник осени! Красив
День золотого увяданья,
Лесов багряное сгоранье,
Флодов бунтующий налив.

В садах поникли деревья,
Их плодородье давит, душит,
Свисают яблоки и груши,
Зареют кленов кружева.

И на дорогах скрип возов,
Плывущих к ригам и амбарам,
Скирды высокие снопов,
Цепов веселые удары.

Струенье шумное зерна,
Зерна обильные потоки,
Душистей старого вина
Земные сладостные соки.

Капуста, яркая морковь
С телесным радостным румянцем,
И помидоры с красным гляncем,
И бураков густая кровь.

О, созреванья пышный пир,
О, тучный праздник урожая!
Цвети, ликуй, подлунный мир,
Плоды тяжелые собирая.

Чтоб наливался плод живой
Горячей кровью, буйной силой,
Чтоб пламень жизни молодой
Сиял над сумраком могилы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Над сизыми овсами малиновый закат,
Сусально-золотые свисают облака,
Лицо мне обвеваает вечерний ветерок,
Березовая роща стоит, как теремок.
Усталою рысцою плетется сивый конь,
А где-то раздается веселая гармонь.
И теплая дорога, суглинкавая пыль...
О, родина-деревня, о, дедовская быль!
Из'ездил я немало и городов и стран,
И вот опять: „Лучина“ и „Красный сарафан“...
Как странно все и ново: читальня, исполком
И тот же обветшалый и неприглядный дом...
Вот здесь катался с горки на санках, в зипуне,
А там носился вихрем на палочке-коне...
Но все давно минуло... Гармоника, звени!
Хоть песнею раздольной бывшее помяни.
Чтоб давняя приснилась, припомнилась весна,
Чтоб нам не разлучаться, родная сторона.

* * *

Голубые да пушистые поля,
Молодая да веселая земля,
Не скрываю, не жалею, не скорблю,
Что тебя, моя хорошая, люблю.
Затерялась ты в сугробах да в лесах,
Словно в белых потонула соболях,
От Кавказа до тюленевых морей
Сколько воли да нехоженных путей.
Словно клад: лежит несметное добро:
Жаркий уголь, медь, железо, серебро.
Лишь попробуй, раскачайся, раскопай,—
Жизнь привольная польется через край.
Ты немножко, моя бедная, темна,
Ты немножко, синеглазая, пьяна...
Ну, да что же, — это слово не в укор,
Это — горе, это горе, — не позор.
Не твоя ли это в селах молодежь
Прямо стоном стонет: „Грамоту даешь?“

И путями, не путями, так и сяк —
Со слезами пролезает на рабфак?
Будет время, эти дни не за горой,—
Не один у нас засветит Волховстрой,
Над просторами соломенной тоски
Заиграют переливные гудки.
С каждым годом крепнет новая страна,
Отбивается от лени да от сна,
В грудь земную плуг врезается острой,
Искры брызжут из-под молота сильней...
Голубые да пушистые поля,
Молодая да веселая земля,
Не скрываю, не жалею, не скорблю,
Что тебя, моя хорошая, люблю.

ВЕСЕННИЙ КОНЦЕРТ

С ума сойти, какая тишь,
Какая белизна полей,
Идешь,— не можешь не итти,
Глядишь — не оторвать очей.

Весенний март, весенний март,
Какие песни, голоса,—
Им позавидовал бы сам
Великолепнейший Моцарт.

Тюинь, тюинь, тюинь, тюинь...
Какая нежность флейт-пикол,
Сомненья праздные откинь,—
Здесь мастерство высоких школ.

Соревнованье стольких птиц.
И даже резкий крик ворон
В оркестре снегирей, синиц
Напоминает чуть тромбон.

И арфы — рокот ветровой —
Рулады напевают так,
Что лес открытой головой
Слегка покачивает в такт.

А солнце — жаркий дирижер,
Резвее в сумрачные сны,
Выходит важно на простор
И правит музыкой весны.

Тюинь, тюинь, тюинь, тюинь.г.
Какая нежность флейт-пикол,
Стекает золото и синь
На удивленный снежный дол.

ВЕСНА

Весна идет светло и весело,
Играя песнями и звонами,
А где прошла, там все завесила
Шелками пламенно-зелеными.

Весна идет... Работы много ей
И на земле и в синем воздухе,
Ей не к лицу тряпье убогое,
Весне теперь уж не до отдыха.

Весна—работница отменная,
Весна—работница веселая:
Попробуй-ка равнины голые
Одеть в одежды драгоценные,

Расшить поля цветными ситцами,
Леса — узорчатыми тканями.
Она над гадами и птицами
Хлопочет так, как будто — няня им.

Из каждой щели жизнь беспечная
Ползет на солнце, дум не ведая,
Весна поет нам песнь извечную,
Что жить и радостно и следует.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Приоткрыл глаза я в изумлении,—
Как цветут, сияют небеса!
Корабли проходят в отдалении,
Раздувая пышно паруса.

Сине, сине, золотисто-розово
В комнате; в окне, вдали,
Гнутся мачты в рощице березовой
И плывут, пылая, корабли.

Торжество, сиянье, трепет белых крыл,
Или это навождение сна?
Встал с постели и окно открыл,—
Теплый ветер прозвенел: весна!

ПЕСНЯ

Девическая, детская,
Невинная краса,
Причесочка простецкая
И тонкая коса.

Слеза невольно скатится,
Лишь вспомню: ночь, крыльцо...
О, ситцевое платье,
О, медное кольцо!

Как горько пела юная,
Разлучная душа,
А ночь сияла лунная...
Стояли чуть дыша.

Расстались. Годы трудные.
Меня сгибали в рог,
Но эти ночки чудные
Я позабыть не мог.

И вот случилось, — встретились,
Шумел ночной бульвар,
Мои глаза приметили, —
Ты вышла на базар.

Я понял: ты продажная,
Ты бросила завод,
Уж очень шляпка важная,
И слишком ярок рот...

Глядел глазами дикими
На чудное лицо
И вспомнил сад с гвоздиками
И лунное крыльцо.

В ту ночь уж мне не спалось,
Я много выпил зря,
В глазах цвела, качалась
Далекая заря.

ПЕСНЯ

Эх, ударьте в струны, начинайте песню,
Дружно начинайте, чтобы звук шальной
Рассказал о деве, деве всех чудесней,
О весне далекой, о любви былой.

Чтоб звенела песня горестно и чудно
О минувших бурях, о погибших днях,
О друзьях, уснувших вечно, непробудно,
О цветах увядших, голубых цветах.

Чтоб дрожали слезы, чтобы билась струны,
Чтобы злая мука песней изошла.
Буйным половодьем отшумела юность,
Милая, что снилась, к другу не пришла.

Эх, ты, жизнь-цыганка, темная судьбина,
Что колдуешь сердцу, звездами звеня?

То ли мать родная потеряет сына,
Друг ли не увидит золотого дня?

Что ж вы приумолкли, громче, звуки, лейтесь!
Все мы только гости в голубой стране.
Наливайте в чарки, наливайте, смейтесь,
Счастье только в песне, в песне да во сне.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег голубой, душистый первый снег
Глядит в окно и радуется и нежит,
А город в копоти и грохоте телег...
Ах, если б на простор, сверкающий и свежий!

Теперь бы там с собакой и ружьем
Бродить по оснеженным перелескам,
Не думая, не мысля ни о чем,
Тревожить тишину сухим еловым треском,

Иль заблудиться в сумрачном бору,
Где не найти ни тропок, ни дороги...
Вот заяц пробежит по пышному ковру,
Смешно и весело откидывая ноги,

И гулкий выстрел в звонкой тишине
На миг вспугнет ласкающую дрему,

С деревьев снег, как белый цвет черемух,
Осыплется в холодном полусне.

Удача или нет,—не все ль тебе равно?
О, только бы дышать снегами и простором,
Пока небесных зорь цветистое окно
Захлопнет ночь за синим косогором!

* * *

Поле горит в голубом снегу,
Месяц гуляет на синем лугу,
Синие звезды льются, звенят,
Легкие лыжи тихо скользят.

Звезды на небе, на каждом кусту,
Белые яблони словно в цвету.
Звезды поют, или небо поет,
Песней, любовью сердце цветет.

— „Милая, милая, стой, поглядим,
Счастьем я болен, песней томим,
Видно хватил колдовского вина,
Если в снегу расцветает весна...“

— „Милый мой, милый, ночь хороша,
Жизни и песни просит душа,

Жалко мне, жалко в светлую ночь
Тех, кто не слышит, кому не помочь.
Жизнь отсияла, застыли года,
Звезд не увидят они никогда“.

Поле горит в голубом снегу,
Месяц гуляет на синем лугу,
Звезды на небе, на каждом кусту,
Белые яблони словно в цвету.

К ЖИЗНИ

Не дарила ты меня цветами,
Не стелила радуги дорог,
Ржавыми цепями да ветрами
Прозвенела рано про острог.

Ворон каркал, и петля кружилась
Над моей незрелой головой,
Скудной кровью наливались жилы
За стеной высокой и глухой.

Но и там, на дне моей темницы,
Где душа лежала, как плевок,
Возносила светлая десница
Голубой сияющий цветок.

Видно, ты и впрямь была воловья,
Сила жизни, жажда красоты,

Если и теперь еще готов я
Славить мир до слез, до хрипоты.

Не предамся черному злословью,
О, моя возлюбленная мать,
И за хлеб твой, обгаренный кровью,
Все равно не стану проклинять.

* * *

Тяжелый ритм стихов, суровый ход раздумий,
Прозрачность ясная и возмужалось слов,
Но борозды на лбу, и все темней, угрюмей
Холодный блеск притушенных зрачков.

И кровь течет ровней, и буйный ветер воли
Уже не опьянит, как в прежние года,
Волненья улеглись, как в предвечернем поле
Отяжелевшие, покорные стада.

Осенней тишиной овечьи сад напевный,
Там сочные плоды давно созревших дум
И жаркий бунт крови и ропот повседневный—
Все отошло, как моря дальний шум.

Ты мудрым стал, поэт,—теперь уж не обманет
Игрой предательской неверная мечта,
Ты смотришь на цветок, что к вечеру завянет,
С улыбкой жесткою прожженного плута.

Ты знаешь путь звезды и путь земного знака,
Всех странствий и дорог тебе знакома цель,
Равно встречаешь ты и темный голос мрака
И пламенной весны блаженную свирель.

В ГОРОДСКОМ СКВЕРЕ

Движеньем вздыбленная пыль,
Подстриженные гладко клены,
Тоскливо-будничная быль,
Докучливо-глухие звоны.

Нерасторжимо-тесный круг,—
Дома, чугунные ограды.
Июльский вечер—злой пастух—
Сюда согнал людское стадо.

За парой пара,—сколько лиц
И сколько взоров жадно-зорких,
Вот женщины с походкой птиц,
Сменявших небо на задворки.

В нарядном френче, в звонах шпор,
Петух шагает с пестрой павой,
Как грош истертый разговор,—
Неуловимые отравы.

Старик, изглоданный тоской,
И неуверенно, несмело
Влачит, сгибаясь над клюкой,
Худое, немощное тело.

Ни сон, ни явь,—тоскливый бред,
Пустое, тусклое томленье...
О, неужели больше нет
Ни радости, ни упоенья?

О, город, город, злой вассал,
Ты смотришь с хохотом стозвонным
На этот жалкий карнавал
В кругу, навек замороженном!

* * *

Был вечер, как вечер. Кричали моторы,
И звезды свершали свой древний поход.
Шли люди. Смеялись. Вели разговоры.
Был месяц июнь, девятнадцатый год.

Дома, как зеваки, затертые давкой,
Стопились, дав выход горбатой Тверской;
У пыльного сквера, где чахлая травка,—
Тоскующий Пушкин поник головой.

Мечтателям грезились пышные замки,
У юношей сладостно млели тела,
Самцы петушились, кудахтали самки,
На время забыв и труды и дела.

Все было так просто,—излишни разгадки,—
И небо, и звезды, толпа и поэт.
Все было прилично; все было в порядке,
Так будет и впредь—через тысячу лет.

НОЧНАЯ ПЕСНЬ

Предстала ночь, воздушна и легка,
В тумане голубом поплыли очертанья
Знакомых зданий, башен... И река
Струится медленно в несознанном сознании.

И я гляжу на жизнь, ее струи,
В ней ритм веков забылся неизменный,
И все дела и помыслы мои
Пред ней склоняются, как некий прах мгнов-
венный.

Мне страшно и светло от радостной красы,
От звездных неводов, закинутых в безмерность.
Сверкает Орион—то вечные часы,
И сладостна мне их незыблемая верность.

Свобода и закон текут в моей крови,
В ней тот же ритм, подвластный и раздольный,
Коснутся берегов и смерти и любви
Мне суждено игрою своевольной.

Глядят миры и я гляжу, земной,—
Знакомые давно во мгле противоречий,
И все ясней встает передо мной
Такой простой прообраз человеческий...

Приду домой и трубку закурю
И в нежности склонюсь над крошкой синеокой,
Щенку дам молока, а в новую зарю,
Быть может, встану злобный и жестокий...

Свобода и закон текут в моей крови,
В ней ритм миров, подвластный и раздольный,
Коснуться берегов и смерти и любви
Мне суждено игрою своевольной.

* * *

Я брошен был в вихрь огневого круженья,
В размеренный бег неумных моторов,
И грохот гранита и трубное пенье
Терзали меня демоническим хором.

Был яростен рокот железного гнева,
Чугунная дрожь непомерных усилий,
В сияющем вальсе—направо, налево
Бежали трамваи, автомобили.

И в хаосе звуков, блеске, громе
Люди и вещи скользили ритмично,
И то, что на каждом был литер и номер,
Я знал хорошо, я видел отлично.

Дома были взяты в квадраты кварталов,
И вкраплены люди в квадратик комнаты,
И каждая вещь понимала и знала
Свое назначенье в движеньи огромном.

И кто-то жестокий с холодным цинизмом
Отсек мое сердце и вымерил точно
И, трепет его заменив механизмом,
Сказал: „Это будет надежно и прочно“...

И я затерялся в грохоте, гвалте...
А где-то на башне, в сияньи и славе,
Не бог и не дьявол, а лысый бухгалтер
Сидел величаво и жизнью правил.

И жизнь прояснилась, как цифра на счетах:
Не вырваться мне из железного хора,
Пока из круженья не выключит кто-то
И солнце, и сердце, и рокот мотора.

Январь 1925 г.

МЕЛКИЕ МЫСЛИ

Что мне делать с таким народцем?
Сколько лет как поселились в доме
Странные, нелепые уродцы,—
Маленькие карлики и гномы.

Целый день резвятся и танцуют,
Ни к труду и ни к чему негодны,
Все они как будто благородны,—
Не грубят, не гадают, не воруют.

Только хочешь отдохнуть, забыться,
А уродцы тут как тут гурьбою,—
Тот, кривляясь, на плечо садится,
Тот изводит рожицей смешною.

Что мне делать с таким народцем?
Никуда от них не скрыться в доме,
Всюду эти странные уродцы,—
Маленькие карлики и гномы.

РАЗГОВОР С УЧЕНЫМ

Нет, вы не правы, мудрый мой профессор,
Когда из круга точных слов и мер
Меня выводите, как праздного повесу,
Творца причуд, фантазий и химер.

Я, так же как и вы,—изобретатель, зодчий,
Хотя пишу стихи, а вы трактат,
Но вместе ищем мы путей короче
В сад человечества—благоуханный сад.

И вот, когда в тиши лабораторий
О тайных атомах вы ставите прогноз,—
Чудесное я вижу в каждом взоре,
В сияньи звезд и дуновеньи роз.

В толпе людей я библии читаю
Неявленных и отзвучавших лет,
Биенье сердца я соединяю
С движеньем солнц, кружением планет.

Когда ж суровыми, упорными трудами
Вы рабства древнего порвете сеть,—
Всех радуг радостней я загорюсь стихами,
Чтоб вечно вы могли цвести и молодеть.

НА РОДИНЕ

Тихий мир дремучих преданий,
Золотое приволье полей,
Колокольчик в вечернем тумане
И колдующий шопот ночей.

Выйдешь в поле, и взор цепенеет,
У зеленой заглохшей межи
Материнскою ласкою веет
От душистых разливов ржи.

Грезы ль детства с игрою, покосами,
Или юности сон золотой:
Вдруг пахнет ароматными росами
И звенит и поет за рекой.

Окликает знакомым голосом
Тишина перелесков глухих,
А в душе, как в высоком колосе,
Наливается солнечный стих.

В ТЕ ДНИ

Валерию Брюсову

В те дни я отдан был снегам,
Был север строг, был сумрак долог,
Казалось—никогда ветрам
Не распахнуть свинцовый полог.

Мой темный, низкий потолок,
Иная жизнь здесь только снится...
И вот на золотой песок
Выходит гордая царица.

Царица—жаркая мечта,
Я бедный раб, нубиец черный,
Мне не обрести ее уста
И не расторгнуть плен позорный.

И только в звонком полусне
Благоуханные баллады...
Но вот иная даль в огне,
И гнев вздымает баррикады.

И каменщик, подняв кирпич,
Над стройкой тягостной, острожной
Задумался, услышав клич
Свободы близкой и возможной.

Любовно закрываю том,
Уж ночь, но не могу уснуть я,
За далью даль, чудесным сном
Встают „пути и перепутья“.

1923 г. декабрь.

ДРУГУ-КРИТИКУ

Ты говорил: Владимир Тимофеев
Кириллов, тридцати годов,
Вот этих песен золото развеял
И книгу написал стихов.

Какая чушь! Какой мудрец грошовый
Все это выдумал,—не верь, мой друг, не верь,
Я очень стар, я тридцативековый,
Древней, чем Новгород, Москва и Тверь.

Недаром лоб мой многодумье гложет
И зрелым яблоком свисает голова,
Вот эта пышная звезда, быть может,
Там я запомнил первые слова.

Жизнь непрерывная во мне цветет и зреет,
И не одна меня ласкала мать,
А ты сказал: Владимир Тимофеев
Вот этих песен написал тетрадь.

* * *

Не слова,— это призраки слов.
Смолкли звуки, угасли цвета.
Словно звеня ржавых оков
Давят мозг и сжимают уста.

Разве это сказать я хотел,
Что сказалось в намеках глухих...
Бурный пламень сиял и пел,
А родился обугленный стих.

Ах, тяжел этот жребий, суров —
Пламенеть и взывать: пойми,
Что за темной оградой слов
Сад цветет и поют соловьи.

* * *

Как ни тяжек груз угрюмых будней,
Все ж бывает—разорвется мрак.
Так матросу на усталом судне
Вдруг заблещет радостный маяк.

Словно в склепе розами повеет...
И вскрылит победная мечта,
Дальняя страна заголубеет,
Жизнь приснится та же и не та.

Станет ясно: вымышлено время,
Смерти нет и даже жизни нет...
И легко, легко глухое бремя
Заглянувшему за грани лет.

ПОЭТУ

И все, что мудрыми дано уму,
Забудь,—оно не нужно никому.

Все позабуди, к чему давно привык,
Младенческим да будет твой язык.

Взгляни на мир зрачками жадных глаз,
Как будто все ты видишь в первый раз.

МОИ ПОХОРОНЫ

Под звон трамваев я умру,
В сурово-каменном жилище,
Друзья потащат поутру
Меня на дальнее кладбище.

И будет та же суета
И шум на улицах столицы,—
Любовью пьяные уста
И скорбью выпитые лица.

И, как всегда, в урочный час
Расклеят свежие газеты,
И чей-нибудь досужий глаз
Прочтет нелепость о поэте:

„Сей жизни оборвалась нить“...
Иль что-нибудь в таком же роде.
А гроб мой будет важно плыть,
Красуясь празднично в народе.

И на углу грузомотор,
Вдавлив в булыжник лапы-шины,
Тревожно пробасит в упор
И окадит толпу бензином.

И так, под выкрики сирен
И причитания невесты,
Вдоль тротуаров, лавок, стен
Кортеж проследует до места.

Там кто-нибудь, терзая слух,
Прочувствованной речью тронет,
И кто-нибудь, чужой иль друг,
Слезу по глупости уронит.

И только я, для всех незрим,
Исполнен горечи, досады,
Тоскою смертною гоним,
Поспешно выйду за ограду.

И буду долго, долго так
Бродить, сжигая папиросы,
А вечером, прильнув к устам
Любимой, буду гладить косы.

ПЕРЕД СУДОМ

Так жалок я и так ничтожен,
Судите, виноват кругом,
Не вынимал ножа из ножен,
Врага не называл врагом.

Вкушал я хлеб, добытый потом,
И в мире скорби и труда
Жил без печали и заботы
И не трудился никогда.

Не признавал устав суровый:
Убей или убитым будь,
И, ко всему всегда готовый,
Беспечно совершал свой путь.

Еще одно есть преступленье...
Судья, вины мои умножь,—
Писал пустые сочиненья,
Где все мечты, мечты и ложь.

Довольно, что еще добавить,
Казните, бейте батогом,
Пощады ожидать не в праве.
Все ясно—виноват кругом.

ДЕВУШКЕ

Сосуд из солнца, крови и цветов,
Душистая молитва тела,
Предутренняя розовость сосцов
И эта дремлющая боль зачатья,
Бессмертия немолкнущий фонтан
Под складками чуть дышащего платья.
О, заиграй жемчужной наготой,
Откинув прочь стыдливости запястья,
Как Афродита пеной золотой...
Вот ты идешь в сиянии лучей,
Владычица законов и страстей.
Струится сад, благоуханно-спелый,
И веет свежестью безмерный океан,
А я гляжу в восторге, онемелый...
О, богородица, поют мои уста,
Роди веселого и буйного Христа!

* * *

Блаженный благовест весны,
Ветров и трав благоуханье,
Сегодня люди не вольны
Взглянуть на мир без содроганья.

И не раздать, не расплескать,
Весна, твоих великолепий,
Какою песней передать
Зелено-струйный этот лепет?

Пред этой мудрой красотой
Все исповедайтесь соборно,
Срывайте с жизни молодой
Лохмотья лихолетий черных.

Чтоб на земные рубежи
Глядели люди без опаски,
Чтоб просто можно было жить—
Без палача и подлой маски.

* * *

Весь пронизан солнцем, звоном, пением
И твоею волей, высота,
Как листок, захваченный течением,
Забываюсь: явь или мечта?

Да и как не позабыть бывшее мне
В этом буйстве солнца и цветов,
В этом нежно-голубом огне
И зеленом пламени стволов?

Только сны младенчески-хрустальные,
Только звуки заревой игры.
И какие здесь приснятся дальние—
Никогда не бывшие миры.

Вздохи ль моря, или брызги звонкие,
Что вздымает влажная волна,
Или шумы ароматно-тонкие
В закрома бегущего зерна.

Весь пронизан солнцем, звоном, пением,
Обо всем, что было, забыв,
Слышу, слышу вечное биение,
Вечной жизни солнечный разлив.

ВЕСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Легок весенних дум лет,
День золотой льет звон,
Белым прибоем бил лед,
Белой зимы где сон?

Ветер весны жгуч, пьян,
Талых полей пьет снег,
Емок небес голубой чан,
Ломок его облаков бег.

В каждом саду птиц полк,
Там на заре флейт свист,
Там золотой ткут шелк
На лепесток, на лист.

Все позабудь, мой друг,
Радости дней дань дай,
Все равно зацветет луг,
Все равно закружит май.

СТИХИ О КРЫМЕ

Тяжелый, липкий зной,—вдоль белого шоссе
Колючая трава—не прикоснись ногами.
Истомно-бледные, в безжизненной красе,
Нависли небеса над бурыми холмами.

И город позади—горячей белой грудой.
Дорога в гору, нам теперь видней
Порт севастопольский. Сегодня мы оттуда
Ушли в простор коричневых полей.

Мой друг матрос, давно расставшись с морем,
Грустил о синих днях, уплывших за кормой,
И море вдруг пришло и расцвело во взоре
И синим пламенем и розой голубой.

„Стой, отдохнем“... Вот пыльная ограда,
Два тощих деревца бросают скупю тень...
О, путник севера, поймешь ли ты отраду—
Вот здесь прилечь в горячий южный день?

Я предаюсь мечтам. Мне грезится палящий
Такой же день: чугунных ядер гул,
Их взлет стремительный, тяжелый и шипящий,
И смерти вихрь из раскаленных дул.

Да... было не легко встречать удар свинцовый,
Но легче ль зной, без отдыха и сна?
А друг мой, между тем, раскрыв мешок холщевый,
Налил в стакан лилового вина.

Пьянящая струя, душистая, густая,
Как сладко утопить в ней жаркие уста!
Струится ветерок, прохладой обвевая,
И парус вдалеке, как призрак, как мечта.

Эх, растянуться бы да выспаться на славу!
Но друг торопит в путь: „Вставай. Давно пора,
Нам надо к вечеру дойти до Балаклавы...“
И мы выходим в зной безмерного костра.

И вновь пьянит мечты далекая дорога,
Туманный горизонт, как потное стекло,
И пылью меловой напудренные ноги
На жаркое шоссе ступают тяжело.

На север уходя, прошелестит автобус,
Мы остановимся, освобождая путь.
Слепящий, гулкий миг... Но мы запомним оба
И благосклонный взор и бронзовую грудь.

Кто покидает Крым? Мария ль, Александра?
Не все ль равно,—ты не забудешь там,
Как розовые сны свивают олеандры,
Как темный кипарис восходит к небесам...

Белесый пламень дня стал тускло-золотым,
Пустынные холмы, тоска изнеможенья...
И вдруг, как некий сон, и зелень, и цветы,
И в стройных тополях веселое селенье.

В тени журчит вода... Скорей поклажу кинем,
Припав к живой струе, мы долго, долго пьем.
Тяжелых, томных слив голубоватый иней,
Свисая за плетень, глядится в водоем.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Земли моей печальный гений,
Суровый бард веков седых,
С глазами тундровых оленей,
В окладе хвойной бороды.

Ты для меня не только Клюев,—
Чудесный песенник, собрат
В твоем обличи я почувал
России дедовской уклад.

Как эта Русь, оброс скитами
И сладкозвучием былин,
Ты беломорскими стихами
Струишься в зарево долин.

Певец глухого Заонежья,
Как листья, обрывая дни,
Глядишь, кедровый и медвежий,
На доменные огни.

И видишь, как на склон брусничный,
На бархат заповедных мхов
Ступает тяжно мир кирпичный
С гудящей армией станков.

И птицы певчие и звери,
Почуяв горькую траву,
К твоей глубокодумной двери
Несут тревожную молву.

И песнями твоими плачут,
Твоею древнею тоской,
О том, что близко всадник скачет
С огнепылающей косой.

Что Русь, разбуженная кровью,
Срывает дедовский наряд,
Что никогда над росной новью
Не засияет Китеж-град.

ПОЭТЫ

Не прельщайтесь славою поэта,
Я и сам страшусь своей судьбы,
На пороге жизни и расцвета
Стерегут нас жадные гробы.

Видно так предвечное судило,—
Просит крови каждая строка,
Чтоб стихов бушующею силой
Захмелели целые века.

Вот и песня, словно конь горячий,
Звоном рифм подкован каждый стих,
Только мать родная горько плачет
Над судьбою сыновей своих.

Рано гибнем на пути суровом,
А ведь сил хватило б на сто лет...
Тяжелей и горестней нет слова,
Чем твое название: „поэт“.

ОТЕЦ

С. Обрадовичу

Только утро румяным ветрилом
Зашумит, заиграет вдали,
По высоким лесам и стропилам
Поднимаю я кладь земли.

Тяжелеют, сутулятся плечи,
Но зовет высота: не стой!
И от тяжести, словно от печи,
Обливаюсь горячей росой.

И когда нестерпима ноша,
Шаток шаг на крутых мостках,—
Васильковые взоры крошек
Улыбаются там, на лугах.

Не оттуда ли свежестью веет...
Слышу лепет моей детворы,

И усталое тело звереет,
И на плечи ложатся миры.

Ах, не это ли мышцами движет
И грядущее кровью кропит?
Вечереет. Спускаюсь и вижу
Дальний блеск мировых стропил.

* * *

Ее головка в золоте волос,
Как зрелый плод, к груди моей припала,
Дышало небо зноем алых роз,
Струились звуки звездного хорала.

Во мне был мир, а мир иной, безбрежный
Я к сердцу прижимал взволнованной рукой;
С любовью, страстью неизбывно-нежной
Я вглядывался в образ дорогой.

В озера глаз, где пышные ресницы,
Как лозы гибкие, склонялись к глубине,
И полыхали жаркие зарницы
Ее зрачков на сумрачной волне.

На склоны розовых ланит ее спадали
Лугами трав распущенные косы,
И все ее семнадцать ясных весен,
Как ласточки, в руках моих дремали.

Вот здесь у сердца жизнь ее струилась,
Вся жизнь с ее таинственной игрой,
С любовью, муками, цветеньем и могилой
Была доступной, близкой и родной.

ЮНОСТЬ

Пароход причален, ошвартован,
С мачты снижен карантинный флаг.
Вот и берег, добрый берег снова,
Южный вечер, ласковая мгла.

По крутой качающейся сходне
Я сбегая, белый, голубой...
Море, море, не тебе сегодня
Эта песнь и сердца перебой...

Шевелит, целует ветер блузу,
В складках—Яффа, Бейрут и Алжир,
А под блузой, в дружеском союзе,—
Милый Бебель, финики, инжир.

Путь недолог, вот и Молдаванка,
В тихой дреме—старый Дюков сад,
Лебедой поросшая полянка...
Как глаза, глаза ее горят...

О, Рахиль, о, сладкий дух акаций,
Звезды—очи, звезды в вышине.
Шопот речи, шелест прокламаций,
Это было или снилось мне?

Никогда не отцветали зори,
Зори в сердце, зори поутру,
Юность, юность, ты свежа, как море,
И крута, как парус на ветру!

В ССЫЛКЕ

Пете Камерону

Тихий мир бревенчатой избушки,
Маркс, Плеханов, а в углу—киот,
На столе овсяные ватрушки,
На кровати—карнаухий кот.

Не услышать паровозных свистов,
Не увидеть дымных корпусов,
Только зори россыпью огнистой—
Над седою дремою лесов.

Целый день шагаю зверем в клетке,
Тяжки думы, как напев пурги,
Хорошо, что нынче у соседки
Имянины будут, пироги.

Нахлобучив заячью шапку,
Выхожу я в темень и метель,
Закружит, схватив меня в охапку,
Белая шальная карусель.

Вот и домик... Низкие окошки,
На сугробе—розовый квадрат,
И снежинки—розовые мошки,
На свету резвятся и горят.

Из сеней уж слышен звон гитары,
Балалайки дробный голосок,
Самовар давно горячим паром
Обдаёт тесовый потолок.

Так, под шум метельной непогоды,
Веселимся трое и одна,
Но её девической свободы
Никому разгадка не дана.

Развлекает, угощает чаем,
Голос звонче солнца и струны,
А когда глаза её встречаем,
Сердце просит песен и весны.

Но глядит и ласково и строго,
И когда пробьёт полночный час,
Всех троих проводит до порога,
Всем троим прольёт сиянье глаз.

И пойдем понурою походкой
В темную бушующую ночь,
Кто-то скажет: „Выпить, что ли, водки?“
И ответят двое, что не прочь...

И в каморке, пахнувшей сосною,
Будем пить и петь до хрипоты,
Будем бредить дальнею весною,
Голубые целовать цветы.

И в хмельном метельном перезвоне
Всем троим пригрезится она,
Но никто и слова не проронит—
Сном каким душа его полна.

И покуда розовые свечки
Не затеплят снежную парчу—
Будут сниться русые колечки,
Что стекают золотом к плечу.

* *
* *

Я болен песнями, и песни—жизнь моя,
Но я боюсь будить их строй неукротимый,
Что дремлет в тишине, безвестный и незримый,
Как дремлет ураган в глубинах бытия.
Но вот уже идет, гремит горячий шквал,
Сверкая молнией и откликаясь громом,
Мир тихий отошел, час песенный настал,
И сам себе кажусь я странно-незнакомым.
И темная душа, как дремлющая снасть,
Порывов голубых узнав прикосновенье,
Вдруг пробуждается от сумрачного сна,
И крепнут паруса, и нарастает пенье.
И вот уже шумит свободная ладья,
Играют вымпела и пламенеют флаги,
Куда она летит, и сам не знаю я,
Исполненный любви, безумства и отваги.

НОЧНОЙ ПОЖАР

Как жутко-деловито пламя,
О, как настойчиво оно
Губительными руками
Во мраке шарит... Вот бревно

Трещит в пылающих ладонях
И стонет жалостно, пока
Его на землю не уронит
Та пламенная рука.

Всю ночь, пока молчит петух,
Строеню биться в красных лапах,
И лишь на утро горький запах
Услышит путник за версту.

* * *

Я давно покинул эту землю,
Я в иной блаженствую стране,
Пению пленительному внешне,
Плаваю по розовой волне.

Светлая подруга вопрошает,
Видя луч зеленый в полумгле:
— „Расскажи, возлюбленный, что знаешь
О своей покинутой земле“.

Вспомнил я о ландышах, о мае,
О сиреневой вечерней тишине...
— „Никогда ты, друг мой, не узнаешь,
Как дробятся волны при луне“...

— „Ну, а люди, расскажи о людях“.
Я ответил, слезы затая:
— „Странные они, те люди,
Убивают плача и любя“.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Березки — белые свечи,
В зеленом цветут огне,
Поля выбегают навстречу,
Цветы улыбаются мне.
Какие душистые звоны,
Какая вокруг широта,
В голубом, золотом, зеленом
Затерялась моя мечта.
Несемся в ликующем свете,
О, сердце, ты плачешь? о чем?
Навстречу медовый ветер
Машет зеленым платком.

* * *

Все то же: снега и метели,
Дом старый и старенький пес,
Зеленые мудрые ели
И белые рощи берез.

Но милой здесь нет и не сыщешь
Ни тени ее, ни следов,
Лишь ветер гуляет и свищет
И плачет в просторах снегов.

Ах, ветер, ты помнишь, ты помнишь?
И ты, видно, был не таким,—
Не плакал,—смеялся в лицо мне
Задором любви молодым.

Те дни и не так уж далеки,
Коль помню, я помню до слез
Горячие милые щеки
И душиные пряди волос.

Как пела она и смеялась,
Как падала в снег голубой,
Звезда золотая качалась
Вот там, над высокой сосной.

Ах, ветер, тоскующий ветер,
Поплачем сегодня о ней,
Поплачем о том, что на свете
Не стало тех песен и дней.

* * *

Душа не устанет молиться,
Любовь не устанет сиять,
Как солнцу прикажешь затмиться?
Как песню заставишь молчать?

Умру в нищете под забором,
На жертвенном вспыхну костре,
Но нет ни мольбы, ни укора
В очах, обращенных к заре.

Пусть празднуют жалкую тризну
Враги над могилой живой,
В их мертвые души не брызнет
Весна благовоной росой.

Но древнему верен завету,
С душою цветка и зерна,

Навстречу иному рассвету
Восстану из темного дна.

И все, кто навеки отмечен
Премудростью птиц и цветов,
Затемят сердечные свечи
О пламень моих стихов.

СТРАХ

За бездной открывая бездны,
Так жизнь предстанет пред тобой,
Все тот же свет жестокий звездный,
Все тот же призрак роковой.

Ты слышишь слов блаженный шопот,
Но вот ослаблен черный рот,
И ширится безумный ропот
До звезд, до голубых высот.

И, ощутив щемящий ужас,
Как страус, спрячешь под крыло,
В покой и мирное тепло
Лицо от непомерной стужи.

Но все равно спасенья нет,
Смятенный ум и здесь услышит,
Как исступленно хаос дышит,
Как зыблется зловецкий свет.

ВЕСЕННЕЕ РАЗДУМЬЕ

Чудна ты, человеческая жизнь!
Еще вчера в душе сочилась слякоть,
Еще вчера хотелось песням плакать,
А вот сегодня вновь они свежи

И радостны. Лишь солнышком блекомый,
Я вылез из прокуренной дыры:
Весенний шум и говор детворы
И этот мир, давно, давно знакомый.

Иду... И ветерок звенит...
Ах, почему всегда он пахнет морем?
Играет улица,—весенняя спешит,
И песнь давно всему готова вторить.

Она смутна еще, она—как голый сук:
Ждет листьев-слов, неповторимо-нужных,
И движет ритмом сердца перестук,
Ведь ритм и сердце вечно дружны.

И сердцу лишь послушен этот стих,
Простой и невзыскательный к нарядам,
Законов творчества не знаю я других,
Да ведь других законов и не надо.

Что прихоть модная? О ней ли нам тужить?
Она изменчива, как у прелестниц платья...
О, только б крепче заключить в объятия
То светлое, что посылает жизнь.

Одна мечта—схватить и передать
И песню юности, и звонкий смех ребенка,
И то бесценное, что, проходя стороной,
Привыкли мы не замечать.

ГРОЗА В ПЯТИГОРСКЕ

Томительно и долго наступала
На мирный город армия грозы,
В колонны строилась и глухо грохотала,
Гася предел небесной бирюзы.

Тяжеловесной, дымною фалангой
На горных кряжах громоздились тучи,
Таинственно охватывая с флангов,
Ползли по склонам, впадинам и кручам.

И вот удар... И молнии кинжал
Пронзил грозовый сумрак небосклона,
И вихрь взгремел, и ливень заплясал,
И стон прошел в акациях и кленах.

Как хищником настигнутое стадо,
Испуганно шарахнулись в кусты!
А вихрь летел, не ведая пощады,
Срывая ветви, листья и цветы.

И падали тяжелые плоды
В садах, смятеньем, трепетом об'ятых,
И, с диким ревом прыгая по скалам,
Неслись потоки пенистой воды.

* * *

Вставай, вставай, довольно спать,
Довольно мертвым притворяться,
Как хорошо весло поднять
И над безвоьем рассмеяться.
И, оттолкнув строптивый струг,
Нестись навстречу новым бурям
И, в рост расправясь на ветру,
На битву волн глядеть не жмурясь.
Как весело грохочет жизнь!
И ветер бьет, и солнце блещет,
Как сладок мускулов нажим,
Как море бурно рукоплещет!

КРОВЬ и СНЕГ

(ПОЭМА О 1905 г.)

I

Ах, о чем вы шумите, ели,
Древний, белый баюкая гроб,
Славно жили, пили, ели
Становой,
Помещик,
Поп.
Глушь лесная, степь неисходная,
Горемычная, бедная Русь,
Голь безродная,
Доля голодная,
Синь,
Дремель,
Грусть.
Большаки, проселки, волоки
На Урал, на Дон, на Устюг,

Воля Волги, покой Оки
И лучиновый дым лачуг.
Лыком шитая,
Перевитая
Конопельным крутым жгутом,
Обостроженная, крепко битая,
Исполосованная кнутом,
Распласталась под вой метелицы
От Крыма до вечных льдов,
Горностоями белыми стелется
Снеговой непомерный покров.

Хлещет в полдень морозный и хрусткий
Золотыми ветрами февраль,
Запах крепкий, сосновый, русский,
Перелески, синяя даль.
На прибитых ухабах дороги
Рыжеватый стеклится след,
Вот волочит усталые ноги
Изможденный лапотный дед.
Тишина... И вдруг из-за леса—
Звон бубенчиков, топот копыт,
Тройка серых подкованных бесов
С гулким храпом и свистом летит.
— „Эй, держись, сторонись, сворачивай!“
Синий кучер врос в облучок.
И морозом и бегом укачанный,
В соболях утонул седок.

Блеск кокарды и красный околыш,
Сам околыша ярче, красней,
А кругом и пустынно и голо,
А кругом безысходность полей.
Видно, скучно дородной особе,
На поклон не кивнет головой,
И старик, утопая в сугробе,
Изогнулся навстречу дугой.
Шапку снял. Серебрятся седины,
В мутном взоре глухая печаль...
Голубые немые равнины,
Перелески, синяя даль.
То ли сон, то ли век Годунова?—
Тот же лапоть, та же соха,
Вот мелькнет деревушка, и снова—
Ельник, ельник, березки, ольха.
Колоколенки и погосты,
Белый призрак, немой испуг,
Одичалые дальние версты,
Глухомань вековая... И вдруг:
У реки крутой поворот,
За рекой—великан-завод,
В синедремную мглу полей—
Электрический крик огней.
Перекатный и ровный гуд,
И станки и люди поют:
— „Мы—одно, одно, одно
Мы прорубим на волю окно,

Эй, гляди, как меток удар,
Мы затеплим над Русью пожар!“

Ах, о чем вы шумите, ели,
Древний, белый баюкая гроб,
Славно жили, пили, ели
Фабрикант,
Помещик,
Поп.
Разгулялась шальная метелица,
Заметает дороги, пути,
Снеговыми холстинами стелется,
Ни проехать, ни пройти.
Ну, так что ж! Пусть там на равнинах
Леденящие вихри поют,
У пылающего камина
В тихом доме тепло и уют.
Льется розовым золотом люстра,
На столе дорогое вино,
От цветов до заморских устриц
Все здесь есть и всего полно.
Взор слепит белизною венчальной
Обнаженность матовых плеч,
И под звоны бокалов хрустальных,
Льется мерная барская речь:
— „Под Мукденом опять поражение,
Вот вам слава родного штыка.
Революционное брожение

Перекинулось даже в войска“...
— „Демократы! Безмозглая публика!
Ведь у нас еще пашут сохой...
Мужику и вдруг—республику“.
— „Ха-ха-ха“,
— „Хи-хи-хи“,
— „Хо-хо-хо“.

Голубой розовеет снежок,
Предрассветная дрема. Дымок.
В синем—крест—золотой лепесток.
Вот на улицу вышел мужик,
Старый конь головою поник,
Старый конь поглядел умно,
Старый конь догадался давно:
— „Что, хозяин, пришла беда?
Уезжаешь, знать, навсегда,
В чужедальние города?“
В синем небе—розовый крест,
И родное поле окрест.
Тяжело, когда слова нет,
А душа в слезах, в огне.
Первый луч—в переплет окна,
За окном—светлее льна—
Мальчугановы волоса.
Погляди, погляди, сынок,
Путь отца твоего далек.
И бездушен стальной курок...

Под покровом иных снегов
Будет много лежать отцов.

„По рельсам сибирской дороги
Вагоны бегут и бегут,
И вихри метельные строго
Прощальную песню поют.
Все дальше от родины милой
Увозят рабочих, крестьян
Туда, где над братской могилой
Печально шумит гаолян.
Туда, где калечат снаряды
Одетых в шинели людей,
И слышится гул канонады
С далеких манчжурских полей.
А где-то, в туманной столице,
Где трубы фабричных громад—
Кровавые блещут зарницы
И царские залпы гремят“.

— „Больше терпеть не можем...
Жизнь наша—ломаный грош,
Руки крестами сложим,
Что там? Пуля, нож?
Разве не все равно нам?..
Пусть же услышит царь,
Выйдет к народным стонам,
Так ведь бывало встарь?“
Вот и пошли с крестами,

Гнев равнял ряды,
Вот и пошли с попами,
Снег заметал следы.
Пели: „Храни его, боже“...
Ждали ласковых слов,
И царь приказал в рогожи
Одеть верных рабов.
Царское слово—закон.
Залп. Залп. Залп...
Крик, кровь, стон,
Падает стар и мал.
Царская милость—вот:
Пуха нежней постель,
К ранам горячим льнет
Белой фатой метель.
Черная, дикая весть—
Город в кольце штыков,
Красных цветов не счесть,
Бедных не счесть гробов.

ii

— „Эх, товарищ, ты только подумай,
Какие славные наступают дни,
Путь наш такой был угрюмый,
Мы были темны и бездушны, как пни.
Голова кружится, я просто пьянею,
Как будто ветры чудесных стран

В лицо небывалою радостью веют,
Как будто сам я стальной великан.
Ты помнишь—я ненавидел заводы,
Думал—они нашей воли гробы,
Теперь я слышу—поют приводы
Величавую песню борьбы.
Словно стал я на горной круче
И вижу море света, огня,
И крылья знамен пурпурно-певучие
Шелестят, обнимают и качают меня.
Слава им, зачинателям старшим—
Марксу, Энгельсу, разгадавшим наш путь,
Теперь мы пойдем железным маршем,
Теперь к былому нас не вернуть. >
Ты слышишь, как жутко вздымаются стоны,
Каждое сердце—узел тоски“.
— „Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.“

Синяя мгла затопила предместье,
Новые дни, небывалые вести—
Словно весенний звенит ветерок...
Падает, вьется легкий снежок.
Вытянув ввысь кирпичные выи,
Смотрят заводы, странно-немые,
Желтые в синем мерцают огни...
Славные дни, долгожданные дни.

Тесная комната. Ставни закрыты.
Все уголки народом набиты.
В сумраке жарко сияют глаза,
Словно пред ними гремит гроза.
— „Скоро придет он?“— „Должно быть, скоро“.
— „Товарищи, надо сменить дозоры“.
— „Товарищ Петров—у калитки стань,
Если что—в окно барабан“.
— „Ну и морозец!.. Стоять нет мочи...
Видно и бог против нас, рабочих“...
В дверь постучали. Вошел Ильин,
Верный водитель рабочих дружин.
К светлым усам прилипли льдинки,
Пахнет морозом. Тают снежинки.
Потные, синие снял очки,
Крепки слова и пожатые руки.
— „Я опоздал, извините, друзья,
Только вина уж тут не моя:
„Шпик“ за мной по следам увивался,
Долго кружил я, едва отвязался...
Что же, пожалуй, можно начать,
Все пришли?“— „Все двадцать пять“.
Вот подсчитали отряды, „десятки“,
Хватит бойцов, в одном недочетка:
Мало оружия, мало патронов...
— „Что ж, и без пушек сшибали короны,
Красное знамя нас в бой поведет,
Время настало, время не ждет“...

Долго с любовью на знамя глядели,
 Песню рабочую тихо пропели,
 Крепко простились и двинулись в путь—
 Надо пред боем немного уснуть.

Улицы спят.
 Фонари не горят.
 Гулко скачет отряд,
 Ружья в руках, вьются чубы...
 — „Эй, готовьте гробы!“
 Вот осадил жарких коней,
 Звякнул стальной затвор,
 Девушка стала снега белей...
 Жуткий ночной разговор:
 — „Кто? Отвечай! Должно быть — курсистка!..
 Стрижена, значит—социалистка“.
 — „Нет. Я только ходила в аптеку,
 Помощь больному нужна человеку“...
 — „Эй, обыскать ее! Да живей!“
 Жгучи касанья пьяных людей.
 — „Э... Не обманешь, попалась, плутовка!..
 Братцы, вот они, вот листовки...“
 Улицы спят.
 Фонари не горят.
 Гулко скачет отряд,
 Ружья в руках, вьются чубы...
 — „Эй, готовьте гробы!“

Голубой розовеет снежок,
Золотой полыхает восток,
Обжигает лицо ветерок,
Вот на улицу вышел боец,
Вот на улицу вышел отец.
Тихо всхлипнула старая дверь:
— „Много будет сегодня потерь“.
На крыльце молодая жена
И встревожена и бледна,
Мальчугана прижав к груди,
Тихо шепчет: — „Постой, не ходи!..
Враг силен, суров и жесток,
И бездушен стальной курок...“
Но отец не услышал слов,
Он давно одет и готов,
На морозе вздохнул глубоко
И ушел далеко, далеко...

Жалобно и тонко пули пели,
Двери запирали трепетной рукой,
Улицы морозные вмиг пустели,
Улицы алели.
Шел бой.
Бочки да доски, да кусок ограды,
Вырванный руками, да красный флаг.
— „Вот и готова наша баррикада,
Что же ты робеешь, серый враг?“
Тридцать человек и три винтовки,
Пики самодельные, маузер, наган,

Но откуда столько боевой сноровки
И такая смелость пред лицом врага!
Вот пошли солдаты на приступ маршем,
Было их немало—целый батальон,
Двадцати трех весен все, не старше,
В голове—присяга, на плече—погон.
— „Эй, сдавайся, кто там?“ Пули градом,
И ложатся рядом к брату брат,
И когда пред силой пала баррикада,
Не видал, не слышал красный отряд.
Только в щели окон бледные лица
Видели, как жутко набухала мгла,
Как упало знамя мертвой птицей,
Как в снегу кровавом корчились тела.

Чей это поезд так бешено мчится?
Не паровоз—железная птица,
Грохот чугунный. Тревожный свист,
В зареве красном стоит машинист.
Через пикеты, через заставы—
Жизнь уносит из пасти кровавой,
Грозно надвинулась черная твердь,
Белой метелью гонится смерть...
— „Остановись!“ — кричат семафоры,
Всюду преграды, всюду дозоры,
Стонет железо, стонет, дрожит,
Взрывом котла манометр грозит.
Вот миновали вражьи преграды,

Радо железо, и люди рады,
 Только, бросая тревожный свист,
 В зареве бледный стоит машинист.
 Слышит он в шуме белой метели:
 — „Эй, машинист, ты будешь расстрелян!“
 — „Что же, своей я не скрою вины—
 Юные жизни мной спасены“.

Ночь.

Глухо ухают пушки.
 Заревом небо расколото,
 Соборов макушки
 Сочатся жарким золотом.
 Завод, как древняя крепость,
 В космах дыма, огня,
 Душно, как в склепе,
 Не увидеть светлого дня.
 По черным холмам небосклона
 Огненная кровь растеклась...
 Предсмертные стоны
 Глотает жуткая мгла...
 — „Никому не будет пощады—
 Ты слышишь зловещий смех?“
 У разобранной баррикады
 Сметают кровавый снег.
 „Товарищ мой, мы разбиты,
 Ну, что же ты плачешь? О чем?
 Зерна, кровью политые,
 Произрастут огнем.

Он воспрянет, кровавый пламень,
Мы услышим победную весть,
Даже бездушный камень
Разбудит наша месть,
Мы пойдем в Сибирь, в остроги,
Мы пойдем в снега, в метель,
Но светлы наши дороги,
И верна наша цель.

Январь, 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Дни славы, дни побед	5
Годы минувшие	7
Ему	9
Уж немножко волос серебрится	11
Вечер	13
Ноктюрн	15
Малютке	16
Вечернее	18
Разговор с розами	19
Не разрывай единый круг	21
Весна—вечер—Кремль	23
Звездный рейс	25
Все прошло: тревога и заботы	27
Праздник осени	29
Возвращение	31
Голубые да пушистые поля	32
Весенний концерт	34
Весна	36
Начало весны	38
Песня (Девическая)	39
Песня (Эх, ударьте)	41
Первый снег	43

	<i>Стр.</i>
Поле горит в голубом снегу	45
К жизни	47
Тяжелый ритм стихов	49
В городском сквере	51
Был вечер, как вечер	53
Ночная песнь	54
Я брошен был в вихрь огневого круженья	56
Мелкие мысли	58
Разговор с ученым	59
На родине	61
В те дни	62
Другу-критику	64
Не слова,—это призраки слов	65
Как ни тяжек груз угрюмых будней	66
Поэту	67
Мои похороны	68
Перед судом	70
Девушке	72
Блаженный благовест весны	73
Весь пронизан солнцем	74
Весенняя мелодия	76
Стихи о Крыме	77
Николай Клюев	80
Поэты	82
Отец	83
Ее головка в золоте волос	85
Юность	87

	<i>Стр.</i>
В ссылке	89
Я болен песнями	92
Ночной пожар	93
Я давно покинул эту землю	94
Из окна вагона	95
Все то же: снега и метели	96
Душа не устанет молиться	98
Страх	100
Весеннее раздумье	101
Гроза в Пятигорске	103
Вставай, вставай	105
Кровь и снег (поэма о 1905 г.)	106

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ФЕДЕРАЦИЯ“

Москва, Площ. Свердлова, Копьевский пер. 3.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

ЕРМИЛОВ, В.

ЗА ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ

Статьи критические и полемические.

Стр. 320. Цена 2 р. 75 к., в переплете—3 р.

ЕРЕМЕЕВ, К.

ПЛАМЯ

ЭПИЗОДЫ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ

Очерки из истории революции 1917—1918 гг.

Стр. 240. Цена 2 р., в переплете 2 р. 30 к.

КИРИЛЛОВ, В.

ВЕЧЕРНИЕ РИТМЫ

СТИХИ

Стр. 124. Цена 1 р. 30 к.

ОРЕШИН, П.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

СТИХИ

Стр. 148. Цена 1 р. 50 к.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПОСТУПАТ В ПРОДАЖУ:

Копылова, Л. Ф. „Химеры“ (повести и рассказы).

Асеев, Н. „Разгримированная красавица“ (очерки).

Книги высылаются почтой наложенным платежом.

Пересылка по действительной стоимости. Выслав-

шим деньги при заказе—

ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, Пл. Свердлова, Копьевский пер., 3.

Издательству „Федерация“

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВУ
„ФЕДЕРАЦИЯ“

— * —
МОСКВА
ПЛ. СВЕРДЛОВА, КОПЬЕВСКИЙ П., 3
ТЕЛ. Ч. 46-74

ЦЕНА 1 р. 30 к.